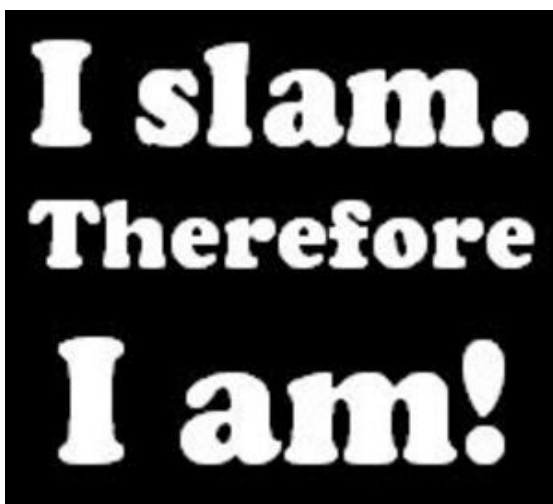

Поэзия – как боевой спорт

Поэтический слэм, или слэм-поэзия (slam poetry), – привычным, со своими традициями культурным явлением стал на Западе с середины 1980-х годов. Слэм-поэзия как искусство публичного исполнения стихов – это прежде всего интерактив со зрителями и, шире, – новое литературное течение устной, живой поэзии. Как аудиовизуальное явление слэм был изобретен в США. Исключительно анархистское явление современной культуры, слэм в последние годы широко распространился по всей Европе, включая Россию, где, однако, все еще считается и чувствует себя новинкой. Сейчас слэм отправился в новое плавание. Сочинительство как спорт, выступления в пивных и театрах привлекают публику как никогда прежде. Теперь подключилось телевидение.

Илл.1.

Это простой расчет. «У меня осталось еще лет 15, – говорит Марлен Штамерйоханнс, – поэтому я хочу сделать что-то для своей души». В феврале ей исполнилось 70. Она совсем не соответствует тому месту, где находится. Вокруг нее немые поэты, поношенные майки, комичные прически. Штамерйоханнс могла бы посещать литературный кружок. Или путешествовать. Или делать что-нибудь соответствующее ее возрасту. Она же делает поэтический слэм. Она выходит на сцену мюнхенского «Шранненхолла», берет микрофон и говорит: «Мы –

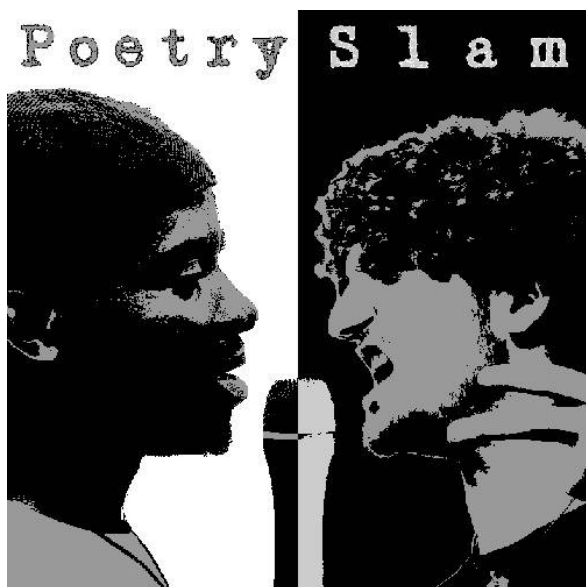
обосранное поколение». Она декламирует в стиле рэп-стакато о войне, фашизме, коммунизме и «что, верно, что всякий -изм нужно выбросить вон».

Публика ликует. Она сходит со сцены, возвращается к своему пиву и закуривает *Gauloise*. Почему поэтический слэм? Это образы, от которых она должна отделаться: «Ребенком во время войны я видела столько трупов, семилетней я ухаживала за солдатами, мужчин, у которых не было рук, я должна была перебинтовывать». Или каски на солдатских могилах. Все это сумасшествие. Другие дети войны выдавливают из себя эти образы, поэтесса из северонемецкого города Эдевезт делает из них пятиминутные стихотворения. На слэм-сцене ее называют «великая старая дама».

Слэм-поэзия – это когда поэты выходят на сцену и швыряют в публику свои стихи. В лучшем случае это милый рифмованный фарш, дерзновенные тексты, шуточные обращения. В худшем это неловкие саморазоблачения. Но это всегда состязание. Поэты сражаются за благосклонность публики. Люди или сопереживают, горланят, аплодируют, или публика молчит, позади звякают пивные кружки и каждый понимает: это никогда не должно было быть написано.

Это едва ли кого-то пугает. Слэм переживает в последнее время стремительное развитие. В более чем 100 городах Германии отмечены регулярные слэм-сражения. В Гамбурге, Кельне, Берлине, Мюнхене, а также в Эрланге, Йене, Котбусе, Гильдесхайме или в общинах, таких, как Альтенкирхен, Грёбенцель. Вечера носят названия «Война поэтов», «Слэм перхоть» и всякий, кого подталкивает муза, имеет право выступить. И таких не мало. Потребность высказаться огромна, в ящиках письменных столов скопилось много неопубликованного и неисполненного. Несмотря на всеобщие блоги и Youtube-ы, кажется, что аутентичное исполнение типа «Я-вам-

читаю-свое-свидетельство-а-вы-должны-слушать» вне конкуренции. Сцена не знает заботы о подрастающем поколении. К такому событию, как «Битва поэтов» в Дармштадт приезжают сотни поэтов, в том числе старые, непризнанные, талантливые и сексуально озабоченные. Или становящиеся уже регулярными роскошные четырехдневные состязания мастеров в Мюнхене. Слэм эйфории не смогло противостоять и телевидение, и Слэм-шоу впервые появились в ночном эфире.

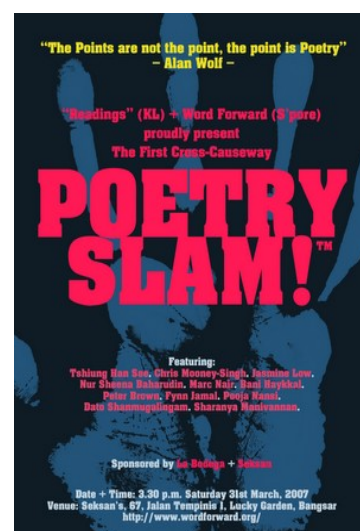
Илл. 2.

соребновались в чтении стихов, и назвал это *Poetry Slam*. Сегодня в США существуют головной клуб слэммеров, школьная лига, телешоу, кинофильмы. В Германии слэм-поэзия долгое время оставалось явлением, которым пренебрегали, клубом для записных позеров. Между тем слэммеры привлекают приличную публику, так как каждый вечер – это сундучок с чудесами. Это счастье, это сопереживание драгоценности – такое, как сценарий фильмов ужасов от Себастьяна Кремера или «Любовные стихи Юстаса Йонаса» от Полин Фюг, или увлекательные «стихи хлеба» 21-летнего Ларса Руппеля из Марбурга. Или терпят неудачу, барабанят неразбериху типа «Мы крутим пируэты в потном фильме жизни».

В слэме невозможно что-то предвидеть. Может случиться, что кто-то выскочит на сцену, сомнет бумажку и закричит: «Я подготовил рифмованное дерьмо, я не буду читать «это» сейчас» А вместо этого он рифмует то, что на него накатило, как говорят на профессиональном жаргоне. Или кто-то стоит перед микрофоном и сквозь зубы читает стихотворение. Единственное правило: каждый располагает скудно отмеренным временем, никто не имеет права петь, и реквизиты запрещены. Все остальное свободно. Стихи, пошлость, короткая проза, рифмованная, нерифмованная, веселая, серьезная – безразлично. В Мюнхене на отборочных соревнованиях победил слэммер с историей о похоронах своего отца. К основному оформлению каждого слэма относится, кроме того: 1) ожесточенный молодой человек, хныкающий вслед своей убежавшей подружке, 2) молодые женщины, которые чистосердечно признаются: «Я выпиваю слишком много», 3) фигуры, которые неожиданно возникают, стоят столбом на сцене, очарованные сами собой, обобщают военные переживания своих дедушек, или 4) мальчишки, которые, как реперы, трясут руками и крутятся волчком. К странным явлениям в среде поэтов и чокнутых относится дипломированный физик, около 40 лет, читающий стихи о животных, например, о мрачном олени или депрессивных рыбах. Большинство поэтов в возрасте от 25 до 30 лет, и это делает слэм гнилым местом пребывания для поколения *Practicum*.

Это трудно было предвидеть. В середине 1990-х состязания поэтов твердой ногой встали на землю Германии – в это время нью-йоркские слэм-поэты украшали собой обложки журналов, определявших стиль жизни, и выступали на MTV, лучшие среди них напоминали Аллена Гинзберга. В 1955 г. он выступил в Сан-Франциско, в *Six Gallery*, со своим легендарным стихотворением «How», событие, которое должно было определить будущее сцены. Американский поэт Марк Келли Смит организовал в 1986 г. в чикагском джаз-клубе *Green Mill* вечер, во время которого поэты

Для литературной индустрии, действительно, нет оснований относиться к этому серьезно. К слэму приклеился самый нехороший из всех лейблов: культура развлечений. Здесь не сидят литературные агенты. Литературную индустрию заставляет работать растущее число зрителей. «Издательства еще не разобрались, как они могут использовать с выгодой для себя растущий интерес публики», – говорит Ко Bylanzky. Слэм текст действует только во время исполнения, но не на бумаге. Ко Bylanzky – один из крестных отцов слэм движения. Ко в действительности зовут по другому, но это не относится к делу. Ко живет для и от слэма. Вместе с Royl Patzak каждый месяц они организуют поэтический слэм-соревнование в Мюнхене. «Самое большое в Европе», – утверждает Ко. Спектакль с 230 поэтами из более чем 70 городов. И это не где-нибудь, а в таких изысканных местах, как Мюнхенский литературный дом и Народный театр. Финал состоялся в престижном «Каммертеатре». Тысячи зрителей приезжали в Мюнхен, пресса поточески наблюдала за этим. Однако финал превратился в напряженную словесную битву на высшем уровне. Мюнхен показал, какой потенциал запрятан в слэм-поэзии и как занимательно все это может выглядеть, если сражаются умные головы с их языковой находчивостью, словесными шутками и силой самовыражения, то есть – живут по-настоящему. Победил Макс-Уве Клинг, 24 года, из Берлина, с комически-громоподобным текстом о поколении «Практикум» и о том, как каждый каждого превращает в практиканта. «Слэм еще потому так успешен, – утверждает Ко Bylanzky, – что он никогда не теряет связь с базисом». Общение происходит глаза в глаза. Здесь никто не смотрит сверху вниз. Здесь свои говорят со своими о своем. Одни нашли слова для того, что другие чувствуют, но не могут выразить. Кроме того, публика всегда часть представления. Публике пытаются что-то вдолбить, но она не беззащитна. Так, из публики рекрутируется жюри в составе пяти человек, а каждая пауза, каждая усмешка зрителей воздействует на выступающего и на жюри. Это также означает, что за завышенное самомнение придется расплачиваться. В Мюнхене впервые в программу включили категорию «политический слэм», потому что, как говорит Ко, – «многие слэммеры политически ангажированы». Эксперимент, чтобы показать, что это тоже относится к делу. Что слэммеры делают то, что не всегда является самолюбованием. Хотя и это тоже присутствует. Политический слэм был по большей части словесной молотилкой, оскорблением полиции, революционной болтовней. Некто, кто называл себя Команданте, шептал в микрофон: «Мы все родились для республики советов». Другой кричал: «Мы поджигаем театр». Третий: «Почему нет переворота?» Четвертый думает: «Если бы сейчас сюда вошел издатель и предложил бы им договор на издание, плюс маркетинг, плюс выступление перед читателями, случилось бы, что эта троица оставила для этого случая революционную мешанину. Чем они моложе, тем от большего они должны избавиться», – говорит Вольфганг Люхтрат. Стройный мужчина, 43 года, он внезапно заявляет: «Слэм спас меня творчески». Он работал в кабаре, но в один прекрасный момент не выдержал того, что коллеги говорят только о размещении акций. «Потом мне дорожку перебежал слэм». Он стал его формой самовыражения. Даже больше. Он организовал слэм в Кобленце и, когда со всей земли Рейнланд-Пфальц на состязания поэтов автобусами стали приезжать ученики, он пошел в народ, проводил семинары и организовал политический слэм в Вистерском лесу: «Там он проходит спокойнее, большей частью в темпе рассказа». Слэм – еще одна хорошая возможность для молодежи «сорвать горло,

Илл. 3.

крича о своих разочарованиях». Он – Volker Struebing, мастер, уже не должен так много надирать горло. Он сидит в кафе. Вокруг него громоздятся на столах «лэптопы». Креативность, креативность, куда ни бросишь взгляд. За соседним столиком планируют кастинг. Двумя столиками дальше идет работа над сценарием, справа бушует мощный мозговой штурм. А Struebing сидит, пишет свои миниатюры в черновую тетрадь, несет их домой и вводит в компьютер. Ему – 35 лет, он один из самых великих звезд слэма. Уже в 2005 г. он был недостижимым победителем, а в 2006-м участником финала. Он – точный, насмешливый наблюдатель, тот, с кем все прочие слэммеры встречаются с благоговением. Он живет тем, что читает. Каждый второй день он выходит на сцену, для поэтического слэма или для лекции. Для этого он пересекает всю страну. Он мог бы писать телевизионные комедии. Тогда бы ему не нужно было ездить, и получал бы он больше. Один раз он так и сделал. Больше не хочет: «Тогда я должен был бы выпустить мой текст из рук». И тогда бы он был переписан и полностью изменен. Это не должно снова случиться. Лучше он будет стоять перед микрофоном со своим текстом и читать. Если телеканал *WDR* приглашает на слэм, Struebing всегда участвует в этом. Сначала планировалось восемь передач, в ходе которых будет определен победитель и аутентично насколько возможно. «Мы не хотим, чтобы это была инсценировка, камеры направлены на поэтов, а не наоборот, – говорит редактор Михель Хейнц, – в слэме интересно многообразие, это не только комедия, но и серьезные тексты». Редакция предложила присылать тексты заранее, но слэммеры не предсказуемы. Слэм будет великолепный.

По материалам статьи Кристофа Шлегеля
в журнале *Spiegel* (ФРГ). – 2007. – № 3.

Сведения об используемых иллюстрациях:

Илл. 1 Режим доступа: URL: <http://blog.eligibleinc.com/?paged=2> (дата обращения: 18.08.2010).

Илл. 2 Режим доступа: URL: <http://www.flickr.com/photos/axel/39411/> (дата обращения: 18.08.2010).

Илл. 3. Режим доступа: URL: <http://asylum60.blogspot.com/2007/03/benjamin-zephaniah-and-poetry-slam.html> (дата обращения: 18.08.2010).

Источник: *Культура в современном мире. — 2010. — № 3. — [Электронный ресурс]. —*
Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>